

Предисловие

*П*рошлым летом, в самую жаркую пору, я случайно встретил Джима Бёрдена в поезде, пересекавшем Айову. Мы с Джимом — старые друзья, вместе росли в маленьком городке штата Небраска, и у нас нашлось о чем поговорить. Покуда поезд мчал нас мимо бесконечных полей спелой пшеницы и лугов, пестревших цветами, мимо захолустных городишек и дубовых рощ, поникших под солнцем, мы беседовали, сидя у большого окна вагона, где все покрылось толстым слоем красной пыли, а деревянная обшивка до того раскалилась, что к ней нельзя было прикоснуться. Эта пыль, жара и обжигающий ветер воскрешали в памяти многое. Мы толковали о том, как живет детвора в таких вот городках, затерянных среди пшеницы и кукурузы: здешний климат бодрит, он щедр на крайности — лето знойное, кругом все зеленеет и колыхается под ослепительным небом, и просто

дух захватывает от буйной растительности, от красок и запахов густых трав и тучных хлебов; зима лютая, малоснежная, кругом голые поля, серые, как листовое железо. Мы единодушно решили, что тот, кому не довелось провести детство в таком городке среди прерии, и представить себе всего этого не может. А те, кто здесь рос, как бы члены единого братства.

Хотя и Джим Бёрден, и я живем теперь в Нью-Йорке, мы почти не видимся. Джим — адвокат крупной компании Западных железных дорог и часто неделями не бывает у себя в конторе. Это одна из причин, почему мы редко встречаемся. Другая — та, что я недолюбливаю его жену. Она женщина красивая, энергичная, деятельная, но, мне кажется, довольно сухая и по своей натуре неспособна на сильные чувства. По-моему, скромные вкусы мужа раздражают ее, и она находит удовлетворение в том, что разыгрывает из себя покровительницу группы молодых художников и поэтов, обладающих весьма передовыми взглядами и весьма средними способностями. У нее есть собственные средства, и она живет своей жизнью. Однако по каким-то соображениям предпочитает оставаться миссис Джеймс Бёрден.

Что до Джима, разочарования не изменили его. Романтические наклонности, из-за которых в детстве над ним часто посмеивались, как раз и содействовали его успеху. Он страстно влюблен в просторы, по которым ветвится его железная дорога. И благодаря

тому, что он верит в эти края и хорошо изучил их, ему удалось немало сделать для их развития.

В тот знойный день, когда мы ехали по Айове, разговор наш все время возвращался к девушке-чешке, которую мы оба когда-то хорошо знали. О ком бы мы ни вспоминали, никто не был так тесно связан со здешними местами, со здешней жизнью, с увлекательной порой нашего детства. Я совсем потерял ее из виду, а Джим через много лет разыскал ее и возобновил эту дорогую для него дружбу. Пока мы ехали в поезде, эта девушка не шла у него из головы. Он и во мне воскресил прежнюю к ней привязанность, я словно видел ее воочию.

— Время от времени я записываю все, что вспоминаю об Антонии, — признался Джим. — В долгих разъездах это мое любимое развлечение. Сажу у себя в купе и пишу.

Когда я сказал, что не прочь почитать эти записи, он ответил, что непременно покажет мне их, если только когда-нибудь закончит.

Прошло несколько месяцев, и вот однажды, в непогожий зимний вечер, Джим появился у меня с большой папкой. Он внес ее в гостиную и, грея над огнем руки, сказал:

— Ну вот тебе мои записки об Антонии. Ты еще не потерял охоту с ними познакомиться? Закончил вчера вечером. Приводить их в порядок не было времени, я ведь просто писал подряд обо всем, что вспоминалось, когда я думал о ней. Получилось, наверно, нечто бесформенное. Да и названия нет.

Уилла Кэсер

Он прошел в соседнюю комнату, присел за письменный стол и написал на папке: «Антония». Нахмурился, подумал с минуту и прибавил впереди еще одно слово: «моя» — «Моя Антония». Теперь заглавие, видимо, пришлось ему по душе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Семейство
Шимердов*

Optima dies... prima fugit.

Virgil

Лучшие самые дни убегают... ранее всех.

Вергилий. Георгики

1

*В*первые я услышал об Антонии во время бесконечного, как мне тогда показалось, переезда через огромную центральную равнину Северной Америки. В ту пору мне было десять лет, мои родители умерли оба в один год, и родственники отправили меня из Виргинии в Небраску к бабушке и деду. В дороге за мной присматривал уроженец Синих гор Джейк Марпол, один из подручных отца на старой ферме, ехавший теперь работать на Запад к моему деду. Джейк разбирался в жизни немногим лучше меня. До того дня, как мы пустились на поиски счастья в неизведанные края, он ни разу не ездил на поезде.

Весь путь мы проделали в сидячих вагонах, и с каждым днем копоти и грязи на нас прибавлялось и прибавлялось. Джейк покупал все, что предлагали мальчишки-разносчики: сласти, апельсины, блестящие медные пуговицы, брелоки для часов, а мне он

купил книгу «Жизнь Джесси Джеймса»¹, и я до сих пор считаю ее самой интересной книгой из всех, что я читал. После Чикаго нас опекал приветливый проводник, который как свои пять пальцев знал места, куда мы ехали, и, когда мы рассказали о себе, дал нам множество советов. Он показался нам человеком бывалым, много повидавшим и объездившим чуть ли не весь свет — он так и сыпал названиями дальних штатов и городов. Бесчисленные брелоки, кольца и булавки свидетельствовали о его принадлежности к различным братствам. Даже на запонках у него красовались иероглифы — словом, знаков на нем было не меньше, чем на египетском обелиске.

Подсев к нам как-то раз поболтать, он сказал, что впереди, в вагоне для иммигрантов, едет семейство «из-за океана», и направляются они туда же, куда и мы.

— Никто из них по-английски ни слова не знает, кроме одной девочки, да и она только и может сказать: «Нам Черный Ястреб, Небраска». Ей лет двенадцать или тринадцать, чуть-чуть постарше тебя, Джим, а шустрая какая! Хочешь, я сведу тебя к ней познакомиться? И глазищи у нее красивые — карие.

¹ Джесси Джеймс (1847–1882) — американский преступник. Во время Гражданской войны, сколотив собственный отряд, сражался на стороне южан, по окончании войны был объявлен вне закона и шестнадцать лет занимался разбоем. В 1882 году был убит своими же сообщниками ради награды за его голову. Его храбрость и романтические приключения прославлены в ковбойских песнях и преданиях.

Последние его слова совсем меня сконфузили, я покачал головой и уткнулся в «Джесси Джеймса». Джейк одобрительно кивнул мне и сказал, что от иностранцев того и гляди подхватишь какую-нибудь заразу.

Я не помню, как мы переправились через Миссури, как целый день ехали по Небраске. Наверно, к тому времени мы пересекли уже столько рек, что я на них и смотреть перестал. Что же до Небраски, то меня поразило одно — мы ехали и ехали с утра до ночи, а Небраска все не кончалась.

Я уже давно спал, свернувшись калачиком на красном плюшевом сиденье, когда мы наконец доехали до Черного Ястреба. Джейк разбудил меня и взял за руку. Спотыкаясь, мы спустились на деревянную платформу, по которой сновали какие-то люди с фонарями. Не видно было ни города, ни даже огней вдали — нас окружала непроглядная тьма. Паровоз тяжело отдувался после долгого бега. Красные отблески топки освещали кучку людей на платформе, рядом с ними громоздились узлы и сундуки. Я понял, что это и есть семья иммигрантов, о которой рассказывал проводник. У женщины голова была повязана платком с бахромой; она прижимала к груди, словно ребенка, небольшую железную шкапулку. Возле нее стоял высокий и сутулый пожилой мужчина. Два подростка и девочка держали узлы, увязанные в клеенку, а младшая дочка цеплялась за юбку матери. К ним подошел человек с фонарем, и начался громкий, шумный разговор. Я наострил уши — ведь я впервые слышал чужую речь.

Еще один фонарь приблизился к нам. Веселый голос окликнул:

— Эй, не вы ли родственники мистера Бёрдена? Если так, то я за вами. Меня зовут Отто Фукс, я служу у мистера Бёрдена и сейчас отвезу вас к нему. Ну как, Джимми, не страшно тебе было забираться так далеко на запад?

Я с любопытством смотрел на освещенное фонарем лицо незнакомца. Казалось, он сошел прямо со страниц «Джесси Джеймса». На голове у него было сомбреро с широкой кожаной лентой и блестящей пряжкой, а концы усов, загнутые кверху, топорщились, словно рожки. Он выглядел лихим и свирепым. Наверно, подумал я, прошлое у него темное. Длинный шрам пересекал его щеку, и от этого уголок рта кривился в зловещей ухмылке. Кожа была смуглая, как у индейца, а у левого уха не хватало верхней половины. Словом, по виду — настоящий головорез. Пока он в сапогах на высоких каблуках расхаживал по платформе, подбирая наш багаж, я разглядел, что он довольно худой, но жилистый, быстрый и легкий на ногу. Он сказал, что ехать далеко, а уже ночь, и лучше отправляться поскорее. Вместе с ним мы прошли к коновязи, где стояли две повозки, и я увидел, что в одну из них укладывает вещи семейство приезжих. Другая ждала нас. Джейк сел на козлы рядом с Отто Фуксом, а я примостился на соломе, устилавшей дно повозки, и укрылся бизоньей шкурой. Повозка иммигрантов с грохотом понеслась в темноту, мы тронулись следом.

Я пробовал заснуть, но от тряски чуть не прикусил себе язык, и скоро бока у меня заныли. Когда солома примялась, лежать стало жестко. Я осторожно вылез из-под шкуры, встал на колени и выглянул из повозки. Ничего не было видно — ни деревьев, ни ручьев, ни лугов, ни холмов, ни изгородей. Наверно, впереди вилась дорога, но и ее я не мог различить в слабом свете звезд. Кругом была только земля — не сады, не пашни, а то, на чем их создают. Да, кругом была только земля, и слегка холмистая, это я хорошо чувствовал, потому что часто наша повозка со скрежетом тормозила, когда мы спускались в низину, а потом кренилась, выбираясь наверх. Мне чудилось, что весь мир остался далеко позади, что мы покинули его пределы и очутились в местах, человеку неподвластных. До сих пор я всегда видел на фоне неба знакомые очертания гор. А сейчас перед моими глазами открывался весь необъятный небесный свод, ничем не заслоненный. Мне не верилось, что покойные отец и мать смотрят на меня оттуда, — наверно, они все еще ищут меня у ручья возле овечьего загона или на белой дороге, ведущей к горным пастбищам. Даже души моих родителей остались далеко позади. Повозка гроыхала во тьме, увозя меня неведомо куда. Вряд ли мне хотелось обратно домой. Доедем мы или нет, мне тоже было все равно. Между этой землей и этим небом я чувствовал, что исчезаю, превращаюсь в ничто. В тот вечер я не стал молиться, я знал: чему суждено быть, то и будет.